

КРОКОДИЛ

ЦЕНА 25 КОП.

№ 3

ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ
●
ЯНВАРЬ 1932 г.
●
МОСКВА

К 556
11

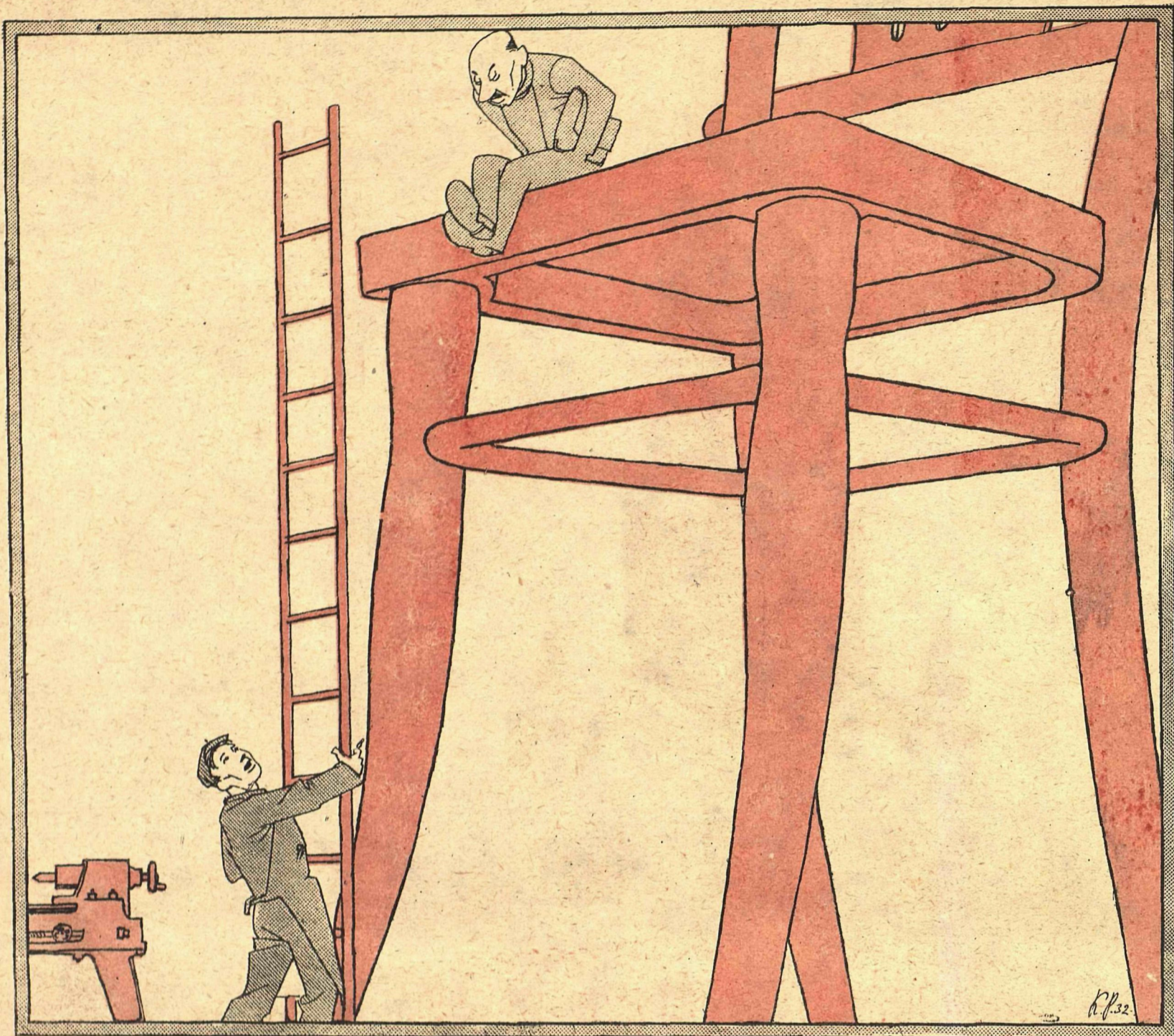
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ЭТОТ НОМЕР
„КРОКОДИЛА“
ВЫХОДИТ В 5
ИЗДАНИЯХ:
МОСКОВСКОЕ,
ЛЕНИНГРАДСКОЕ,
УКРАИНСКОЕ,
УРАЛО-СИБИРСКОЕ
И ОСНОВНОЕ

М. Храпковский

„ПРАВО-ЛЕВЫЙ“ ГРАЖДАНИН: — Безобразие! Я еще не кончил сомназаться в первой пятилетке, а тут уже вторую начинают...

НАСЧЕТ РУКОВОДСТВА „В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ“

УДАРНИК: — Хочешь быть на высоте положения, — спускайся вниз... Поближе к производству!..

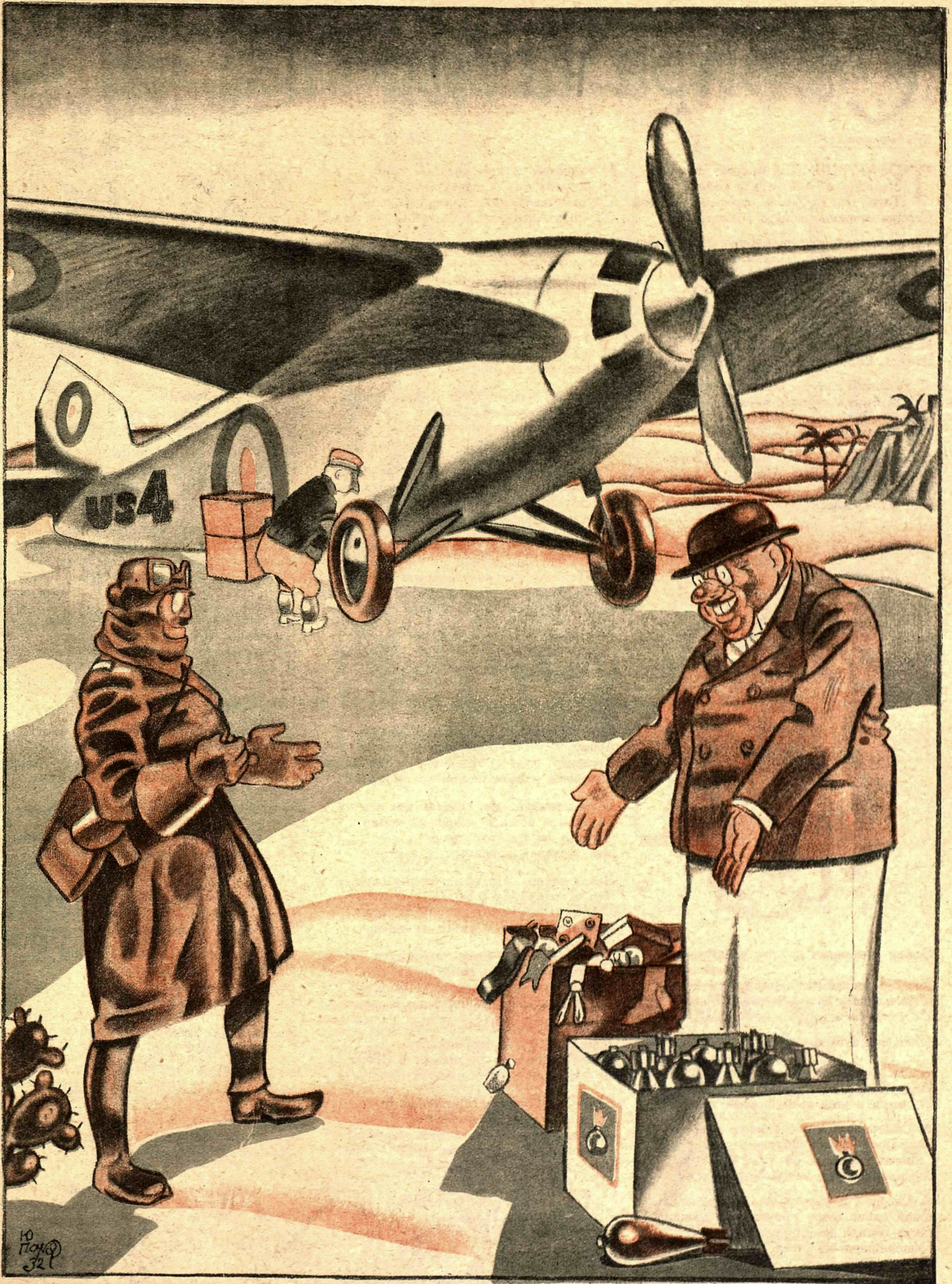
ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЛИЗЫ

С ПЕТРОМ ИВАНОВЫМ
случился грех:
У него — заскоки
левачки:
Иванов лепечет
насчет «прорех»
Цитаты
из Лазаря Шацкого.
Можно ли мягкость
нам проявлять
При загибе ли,
при уклоне ли?
Разумеется,
Иванова не-ить
На собраниях
распаторован.
— Таких — долой! —
голосовало «за»
Подавляющее большинство
собрания.
Один Семенов,
опустив глаза,

Воздержался
от голосования.
— Семенов! Ты ли?
Товарищ, брось!
Тебе разыграть нас
хочется:
Ты — наш, ты крепкий,
ты — парень-гвоздь,
И мозг твой сомневаем
не точится.
— Товарищ... я... не могу...
нельзя...
(Слова были
«врачно сказаны».)
— Мы с Ивановым
старые друзья,
Мы дружбой
навсегда связаны.
Жили мы, все
пополам дела,
Делали за обедом
«шрапнель» свою,

Делали температуру
ниже нуля
По Реомюру
и по Цельсию.
Нас воедино
спала рабфак
(В голосе Семенова —
вибрация).
Я поступаю —
именно так —
Обязан
воздержаться я!
Дружбу уважают
и дикари —
Готтентоты, паузасы,
малайцы, —
Против Петра,
что ни говори,
Рука моя
не поднимается.
★
Пусть этот случай
без конкретных имен.

Но жизнь богата
сюрпризами:
Кое-где еще дружба
карамзинских времен
Почитается
либеральными Лизами.
Нехватает еще,
чтоб у всех на виду,
В порядке
«слевавой ударности»,
Топлялись они
в уклонистском пруду
Из-за «дружеской»
солидарности!..
Пора от этих традиций
уйти:
Хоть друг бы,
хоть брат бы,
хоть муж бы, —
Но если свернула он
с ленинского пути, —
Не прячься
за широкою «дружбы»!
В. Гранов.

ПЕРЕД ПОЛЕТОМ В АФРИКУ

КАПИТАЛИСТ (летчику): — Только, мой милый, не перепутайте ящиков... Запомните: сначала — бомбы, а потом уже — галактерею...

„ЧЕЛОВЕК ИСКУССТВА“

ЕСТЬ ЛЮДИ оседлые и есть кочевые. Есть люди — старожилы своего дела. Даже в самой длительной командировке их профессия, как родимое пятно, — всегда с ними. И есть люди — вот как Родионушкин.

Не о нем ли поэт сказал:

„А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в буре есть покой“.

Может быть, о нем, а может, и не о нем. Сам Родионушкин спутает все карты ваших наблюдений:

— Изучаете? Понять меня хотите? Хо-хо. Напрасный труд!

В сумеречные минуты откровенности я часто слышал от него:

— Не поймут меня. Непонятый я человек. Не понимают меня, понимаете!

Лично себя непонятый называл человеком искусства.

— Разное бывает искусство, — заметил ему я, — вот, например, искусство хорошо одеваться, — тоже ведь искусство!

— И большое искусство, — подхватил Родионушкин, — огромное искусство. Великое искусство, если хотите!

— Родионушкин, вы так об этом распинаетесь? Скажите, вы портной?

— Я писатель! — отрезал человек искусства.

Писатель? Вот как. Но ни одной строчки Родионушкина, С. Родионушкина, Степана Родионушкина я еще не обнаруживал в печати.

Впрочем, — вспомнил: дважды фамилия Родионушкина была напечатана. Один раз, — когда группа писателей требовала открытия специального дома отдыха; другой раз — под тезисами о добавочной жилплощади для лиц литературного труда. Да, видел я еще в литературной газете снимок: группа наших писателей с Рабиндранатом Тагором. По правую руку от Тагора сидел Родионушкин...

— Стало быть, вы писатель?

— Да, и знаете это очень, очень тяжкий путь. Об авансах нельзя теперь и заикаться. А где стимулы? Если бы не литфонд... Вы помните знаменитое „братья писатели, в вашей судьбе?“

... Вскоре эта самая судьба изменила писателю Родионушкину. А может быть он ей изменил, — загадка.

— Трудно нам, художникам, — говорил теперь С. Родионушкин.

— Художникам слова?

— Нет, мастерам кисти!

— Но ведь вы, Родионушкин, писатель?

— Был. Но писательство это только этап у меня. С детства питаю влечение, род недуга к изобразительному искусству. Но разве у нас поймут, оценят? Вот во Франции — там у каждого маэстро свой маршан: свой покупатель и патрон. Там мастер в кафе сидит у всех на виду. И вокруг почтительный шопот: „Ради господ, потише, маэстро вдохновляется“. А у нас? Другие, конечно, сидят на Магнитостроях или там в колхозах. Пишут панорамы. А вот я этого не могу. Не могу я, а меня не понимают...

— Откуда ж у вас, Родионушкин, жизненные ресурсы?

— Подъемные!

— Но ведь вы никуда не выезжаете?

— Никуда. Меня как французского мастера вдохновляет столица, рестораны МОСТРОП!

— И вы пишете картины этого жанра?

— В том-то и дело, что нет. Такая живопись не в ходу.

— За что ж получаете подъемные?

— За что? И вы тоже об этом спрашиваете? Нет, никто, никто не поймет меня!

Не понятый, — он поник головой.

Действительно, ни я ни окружающие ничего не понимали. Непонятным стало и то, что этот „мастер кисти с детских лет“ неожиданно оказался мастером малых форм.

— Понимаете, — говорил мне Родионушкин профессиональным тоном эстрадного автора, — наши котловые трудно учесть, да и не стоит учитывать. И почему, скажем, я буду во Всероскомдраме получать по второй категории, если мне подлагается по первой из общего котла?

— Из какого такого котла, Родионушкин? — У вас что, — столовая во Всероскомдраме?

— Да нет же. Наша столовая при Цекубу.* А котел — это ж наши авторские!

— Авторские? А у вас, Родионушкин, уже много номеров в исполнении?

— У меня? Да разве в этом дело? Котел-то общий!

Ю. Ганф

Комиссия исполнения при СНК СССР наложила взыскания на ряд работников Всекоопита, вводивших в заблуждение правительство сообщением ложных сведений о готовности ряда новых фабрик-кухонь на 40—60% в то время как к их постройке еще только приступили.

СПЛОШНАЯ „ЛИПА“

ОЧКОВТИРАТЕЛИ (членам комиссии): — ФАБРИКИ у нас, правда, пока нет, а что касается КУХНИ, то она у нас в квартире... Может, взглянете?..

— Но как же так? дни будут писать, а делить с другими поровну? Как это получается, Родионушкин?

— Как? Да разве вы поймете? По-вашему, — вот сюда положил, а тут взял. А если наоборот или совсем, скажем, по-иному. Нет, никто не поймет меня...

Никто не понимал Родионушкина, когда он канарейкой перепорхнул с жердочки малых форм в театральные драматургии. Все мы недавно читали в хронике, что такой-то театр готовит к постановке пьесу С. И. Родионушкина из современной жизни, пьесу, которую Родионушкин любезно согласился написать. Название пьесы пока в точности не было установлено, но театр готовился...

— Да, я согласился написать пьесу! — сказал мне Родионушкин — Для этого я приступил уже к изучению современной жизни.

— Так, а средства к жизни?

— А театр? Что ж, по-вашему, я за-бесплатно согласился? Хорош бы я был. Даже таких простых вещей не можете понять!

Да, я не мог этого понять. Я не мог так же понять, как это Родионушкин, изучая современность для заказанной пьесы и заполучив

соответствующий аванс, неожиданно стал кинороботником.

— Мы, работники советского искусства, стремимся... — объявил при последней нашей встрече Родионушкин. Но тут я пресек его декларацию.

— Знаю, знаю, Родионушкин, не договаривайте. Дескать, разве вас могут понять? Разве, мол, я лично пойму вас, такого загадочного, такого непонятого?.. Представьте, — понял, Родионушкин, понял я вас!

Родионушкин посмотрел на меня с удивлением.

— Нет, нет, бросьте вы это! Не можете вы меня понять. Никто еще не понял. Непонятый ведь я!

— А я понял вас и ваше искусство, Родионушкин.

— Да, мое искусство! — подчеркнул он.

— Да, ваше искусство, чорт бы вас, Родионушкин, побрал, — это искусство жить и не работать, жить, кормиться и благоденствовать на шармачка. Вот в чем ваше подлое искусство, дряннейший Родионушкин!

— Ну, вы не в духе сегодня! — сказал „человек искусства“ и поспешил уйти.

Л. Митницкий.

МЕЛОЧИ БЫТА

Рассказ Вас. Лебедева-Кумача

Рисунки К. Ротова

КОГДА, УБРАВШИ со стола остатки позднего ужина, домработница Даша ушла на кухню, Свинчугов, зевая, обратился к жене:

— Ну, как наша новая домработница? Ничего? Справляется? — Алевтина Андреевна, обновлявшая у зеркала краску губ, стертых ужином, нехотя повернулась к мужу и, кисло улыбувшись, пожалала плечами.

— Мм... как тебе сказать?.. Ничего, как будто.. Я, конечно, не в восторге. Но... во всяком случае она старается во-всю. Уж очень она только сера, — просто ужас! Меня зовет Вилинтина, тебя — Кисьякитин, — иначе выговорить не может... Да и вообще!

— Но она прямо из деревни, — чего же ты хочешь? Погоди, — научится, обломается... окультурируется, так сказать! Она ведь почти девчонка, приспособится и переделается за милую душу.

Все еще копаясь у зеркала и не слушая мужа, Алевтина Андреевна мыслила вслух:

— Городская, — конечно, была бы лучше. Но с другой стороны, — они все в городе страшно испорчены: дерзят, хамят, высчитывают каждый свой шаг!.. А с этой — тоже беда: нужно ходить за ней по пятам — и указывать, указывать, указывать! Иначе все будет сделано шиворот-навыворот... Вообще иметь домработницу — это такой подвиг, такое несчастье...

— Ну, ничего, Алечка! Ведь без нее было бы еще хуже: твои бедные ножки уставали бы от хождения по рынкам и магазинам, твои маленькие ручки огрубели бы от разных кастрюль и сковородок и... твоему Котику было бы очень, очень жаль тебя.

— Ты еще забыл про стирку, про полы!

— Ну да, ну да! Теперь ты меня понимаешь? Мы еще должны благодарить судьбу за то, что существуют люди, которые снимают с нас все эти грязные и унижительные обязанности и... и помогают нашему уюту.

Алевтина Андреевна кокетливо рассмеялась:

— Ха-ха! Послушал бы тебя сейчас кто-нибудь из твоих партийцев!

... — Ну, как наша новая домработница?..

институт домработниц пока все эти Даши, Маши, Груши так же нужны нам, как и мы — им. Диалектика! и я как... кхе... коммунист даже рад, что таким образом какая-то часть деревенского сырья перерабатывается в городской пролетариат. Конечно, это кустарщина, но каждая вот такая Даша, прослужив год или два в городе...

— Ну, вот! Завел свою философию!

Дверь скрипнула и, бесшумно войдя в комнату в огромных лапых деревенских валенках, Даша с некоторым испугом уставилась на Свинчугова.

— Вы что, Даша?

— Я вот к им... к Вилинти... к барыне. Насчет завтра: что покупать?

Свинчугов сел на стул и учительно поднял палец:

— Вот что, Даша! Запомните раз и навсегда: барынь у нас в Советском союзе нет! Понимаете, — нет. Они уничтожены в семнадцатом году. У нас есть теперь только трудящиеся и наниматель, в данном случае — вы и я. Но ваш наниматель, т.е. я, — отнюдь не является баринном, эксплуататором, мироедом, так сказать, или кулаком. Я сам — такой же служащий, как и вы. Понимаете?

Усталая моргая сонными глазами, Даша попыталась улыбнуться:

— Как я малограмотная, Кисьякитин Петрович!.. то, конечно, откуда же мне знать...

— А вот вы теперь знаете! А то вы, чего доброго, при гостях возьмете да назовете меня баринном, а я в партии состою. Понимаете? Партийный человек не может быть баринном! Потому что... потому что он партийный! И вообще, Даша, вам надо учиться! Вот вы проработаете у нас, — мы вас запишем в профсоюз, и вы будете ходить в школу. Вы знаете, что такое профсоюз?

Алевтина Андреевна, закончив свой туалет, отрывисто бросила мужу:

— Ну, довольно, Константин! Успеешь со своей политграммой! Это, наконец, становится скучно!

И строго обратилась к Даше:

— Подайте мне сумочку, — вон там на столе лежит, — и подите сюда поближе. Значит так: завтра вы купите на рынке кило баранины... и... масло у нас есть?

2

Свинчугов был недоволен женой: Алевтина Андреевна взяла у него денег на платье, предупредила, что через неделю будут еще нужны деньги портнихе, и в заключение заявила, что он жадный и мелочный человек, и она не намерена больше выклянчивать у него каждую копейку.

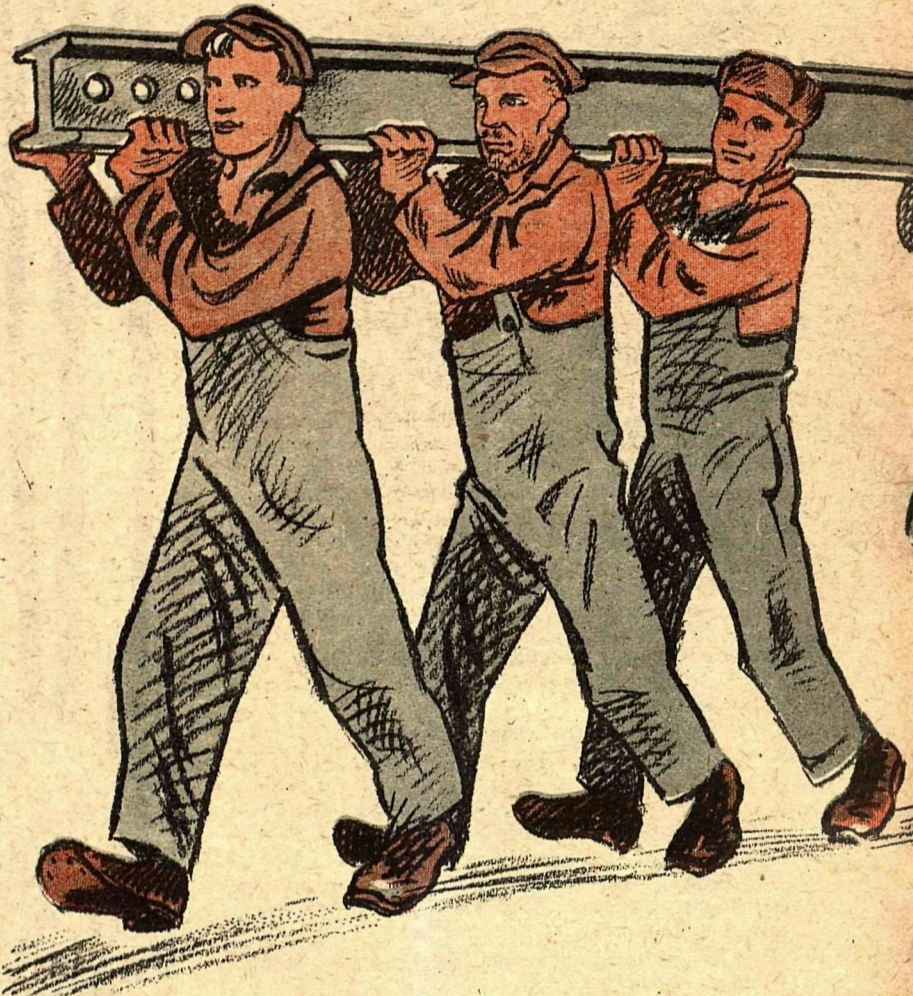
Как всегда после денежных разговоров, у Свинчугова было пусто в бумажнике и скверно на душе. И неприязнь, которую он чувствовал к жене, по какому-то странному закону заставляла его быть особенно вежливым и мягким к окружающим. В пику жене он долго и ласково разговаривал с Дашей, нарочно затягивая обед. День был выходной, и спешить было некуда.

— Ну-с, так, значит, вы теперь скоро совсем ученой будете, Даша? А? Арифметику-то проходите там у себя? Изумленная неожиданной свинчуговской разговорчивостью, Даша отвечала коротко и вежливо:

... — Партийный человек не может быть баринном.

К. Ротов

А Ж Е У Д А Р Н И К

— Сложение и вычитание кончили. Теперь — умножение кончаем.

— Тэ-э-к-к! Ну, а как насчет политграммы? Все понимаете? Я, признаться, хотел вам помочь, да все как-то так...

— Спасибо, Константин Петрович! Я пока сама кое-как разбираюсь. У нас лектор попался очень хороший.

— Молодец! Так и надо! Теперь женщина должна быть такой же строительницей, как мужчина! Прошло время, когда она жила только тряпками, платьями и всякой ерундой.

Свинчугов незаметно покосился в сторону жены:

— И если вы, Даша, когда-нибудь выйдете замуж, — вы уважайте мужа... как товарища! Понимаете? Вы — работаете, и он — работает, вы — его уважаете, и он — вас уважает.

Даша широко улыбнулась.
— Да я пока не собираюсь, Константин Петрович. Я еще поучиться хочу. Меня вон в группе в делегатки хотят выбрать. А потом, глядишь, на какие-нибудь курсы еще пошлют. У нас там курсов много.

И быстро собрав тарелки, Даша почти бегом зашла на кухню. У двери со звоном упали ложка и вилка.

Алевтина Андреевна презрительно подымаясь из за стола:

— Осторожней с посудой. Даша! Провашу активность для курсов! И. занушей арифметикой, не забывайте все-то в коллеты соли. Сегодня их есть был.

Свинчугов открыл рот, чтобы возразить, но Алевтина Андреевна быстро метнула летному столику и сунула под нос ленькую, написанную корявым почерком мажку.

— Во-от, полюбуйтесь!

— Что это такое?

— Это плоды арифметических занятий домашней работницы! Счет за свежую работу.

Свинчуков начал читать.

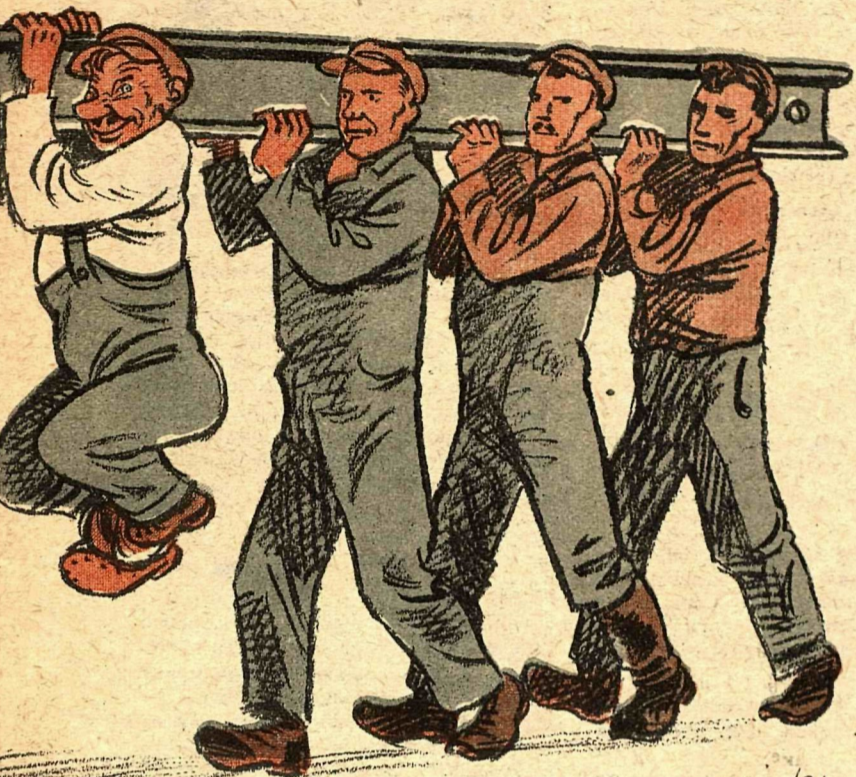
— Постой, тут написано, — за работницей день? Зачем же ты занимала ее в выходной день? Этого совсем не следует делать.

— Ах, не следует? А масло ты хочешь есть за завтраком? Да?

— Позволь, позволь, причем тут масло?

— А при том, что она за ним в выходной день ходила и кстати отвозила

Переписка

В.Р.З.

МЫ ЗНАМЕНА несли
Высоко в Октябре, —
Отгремели оркестры,
Отзвучали парады,
Наступили рабочие будни...
Встав на заре,
Говорила Москва
Ленинграду:

— Я давно уже скинула
Старую барскую спесь.
Я бы все барахло,
Я б сложила богатства свои
В огромный мешок
И пустилась бы в путь,
Как бы ни был путь мой далек,
Я пришла бы к тебе и сказала б:
— Здорово, браток!

Но — мешает нагрузка.
Понимаешь ли, некогда мне,
Я с работой срослась,
Я приказы даю по стране, —
Значит, в первую очередь
Я выполняю приказ,
Значит, все мои будни
Стоят пред страной напоказ:

Как же дышишь ты, друг
Петербург-Петроград-Ленинград?
Ты менял имена,
Ни разу не глядя назад.
Я ж — Москвою осталась.
Я — в одном неразрывном ряду
С Ленинградом и Харьковом,
С Ростовом и Минском иду.

— Это — факт несомненный!
Вмешался Ростов в разговор.
— Мы, как брат и сестра,
Неразрывно живем до сих пор...

— Это — факт абсолютный!
Заговорило Баку.
— Привет Ленинграду!
Горячий привет старику!
Пролетарский привет Москве,
Столице — горячий привет!..

Голоса городов
Пронеслись над страной чуть свет
И горячим дождем
Пролились под пургой снеговой

Над столицей страны —
Над пролетарской Москвой...

Ленинград приподнялся
Под блеском осенней зари,
Дав Исаакию строгий приказ:
— Поднимись, посмотри,
Встань на цыпочки, старый долдун.
И взгляни, —
Откуда привет,
Голоса и огни?

Исаакий-старик
Из-под купола хмуро взглянул,
Он узрел города,
Услышал нарастающий гул,
Лицею Сталинград,
Увидел за Магнитной горой,
Как огромными домами
Дыбится Магнитострой.

Исаакий сощурил
Подслеповатые окна,
Приподнялся еще.
И увидел, едва не упав,
Аджаристанского хлопка
Густые волокна,
Урожай разгул
И зелень бушующих трав.

Он слезу уронил
На подол износившейся рясы
— Перед Тракторостроем,
Перед верстами штреков Донбасса...

И тогда Ленинград,
Отстранив с дороги ханжу,
Закончил в рупора:
— Эй! Послушайте! Я вам скажу!
Я вношу предложение:
Давайте-ка вместе споем
О Советском союзе,
В котором мы дружно живем.

Он запел эту песню.
Слова налету подхватив,
Каждый город запел
На один большевистский мотив...

После работы,
После горячих трудов
Этой песне высокой
Мы учимся у городов.

М. Светлов.

НА СТРОЙКЕ

фыркнула,

материал Анне Ивановне. Понял? Ну, что? Доволен?

— Конечно, ей надо заплатить по этому счету полностью. А в будущем... в будущем...

Свинчугов неопределенно махнул рукой.

Алевтина Андреевна гневно швырнула карточку на стул.

— Ты должен ей прямо сказать, Константин: сегодня у нас гости, — и никаких курсов и собраний! Что же — мне самой прикажете подавать на стол? Да? И убирать тарелки? На чорта она мне тогда нужна?!

— Успокойся, Алечка! Откуда же мне знать, что она успела уже записаться в комсомол. Сегодня у них собрание ячейки, — и я никак не могу ее задержать. Понимаешь, — мне неудобно... Она свое отработала и...

— Но когда она вернется по крайней мере? Ты спросил?

Свинчугов беспомощно развел руками.

— Кто ее знает? Вероятно, не скоро.

Алевтина Андреевна двинула стулом:

— Вот это мне нравится! „Вероятно, не скоро!“ А можно ли ее послать за папиросами? — Возможно, что можно, а может быть и нет!

Свинчугов смущенно потер лоб.

— Почему же ты на меня-то нападаешь? Я-то тут при чем?

— Да потому, что ты со своим партбилетом ухаживаешь за ней, как за принцессой. Ты ей слово боишься сказать!

— Я-я?

— Ну, да! Ты носишься с ней, как с писаной торбой.

— Я? Да я от нее еще больше страдаю, если ты хочешь знать! Вчера обещал прислать Ананьеву „Трех мушкетеров“ — не послал, потому что она была на курсах. Третьего дня не вычистила ботинки и заявила, что я неправильно плачу ей за прозодежду. „Вы, — говорит, — меня обсчитали!“ А сама нахально улыбается!.. Разговаривает по телефону с таким видом, как будто она за него платит. И потом — это ее делегатство, это постоянное хождение каких-то Нюш и Каты! Все время на-чеку, боишься лишнее слово сказать, лишнюю рюмку выпить!

— Так почему же ты молчал? Почему же ты ничего не говорил?

— Я... я думал, что по крайней мере хоть ты ею довольна.

Алевтина Андреевна иронически поклонилась.

— Здравствуйте! Вот это мне нравится. Я каждый день только говорю ему: Даша — испортилась, Даша — никуда не годится. А он заявляет, что я ею довольна!

Свинчугов нервно заходил по комнате.

— Ну, ладно! Сегодня как-нибудь обойдемся, а завтра... завтра я с ней поговорю. Только ведь вот беда: трудно будет придаться, — по договору она выполняет все, как полагается. Какие же мотивы найти для увольнения?

— А зачем тебе мотивы? Слава богу, пока их, кажется, и без мотивов уволить можно! Скажи просто: — вы нам не нужны. И все. А я уже присмотрела одну деревенскую, — мне Варвара Васильевна рекомендовала. Только, пожалуйста, уж с этой новой — никаких разговоров и фамильярностей. Я — хозяйка, и я одна имею с ней дело. Понял?

— Милая! Ну, конечно! Я всегда стоял за единоначалие. Так и мне гораздо удобнее будет.

Алевтина Андреевна лукаво взглянула на мужа и торжествующе улыбнулась.

Вас. Лебедев-Кумач.

... Так почему же ты молчал?!

разить, но
ась к туа-
мужу ма-
ерком бу-

тий вашей
рхурочную

у в выход-

верти со звоном упали ложка и вилка.

А. Генч

Промышленность слабых токов выполнила пятилетку по радиоаппаратуре.

— Почему вы так побледнели?
— Тысяча чертей! Эти слабые токи производят сильное впечатление...

СТАНДАРТИЗАЦИЯ

ДИРЕКТОР швейной фабрики им. Володарского, в Баку, улыбнулся, кивнул головой и указал на стул.

— Пожалуйста, садитесь и задавайте вопросы. — Нас интересует ваше производство, — сказали мы. — Его главная основа.

— Пожалуйста! Вот вам бумага и карандаш, пишите. Итак, основных принципов у нас два. С одной стороны, полная свобода, с другой, — строгая и проверенная плановость.

— То-есть?

— Мы не препятствуем проявлению свободного творческого духа. Каждому мастеру предоставлена возможность проявлять свою инициативу.

— Нельзя ли немного подробнее?

— С удовольствием! Вчера, например, один мастер к черному суконному пальто пришил белые пуговицы. Это — новинка, до которой еще не додумались в других городах. Мы этого мастера премировали. Или еще. На прошлой неделе мы выпустили партию пиджаков с разными бортами: один острый другой круглый.

— Простите, если мы вас правильно поняли, то каждый на вашей фабрике делает все, что захочет?

— Не совсем так. Я уже говорил вам, что кроме свободы творчества, у нас еще существует строгая плановость, вернее говоря, стандарт, на рушить который не дано право никому.

— Например?..

— Возьмем хотя бы следующие правила, обязательные для всех мастеров. На пиджаках должны быть наполовину непролупленные петли. Рукава делаются из бракованного материала. Пряжки на брюках смотрят в разные стороны. Брюки из белой материи мы шьем черными нитками и к ним же пришиваем черные железные пуговицы.

— Эти правила применяются ко всем работам?

— Нет, только к мужскому платью. Для дамского платья у нас установлены другие правила, выдержанные в духе последних мод и яркой эстетики. Например, в дамских пальто одна лапа делается короче другой, швы разных размеров, подкладка в рукавах длиннее самих рукавов, воротнички делаются из прелых шкур. Много у нас этих правил. Всех не запомнишь.

— И все они выполняются?

— С самым строгим образом. У нас на этот счет круто. Мы хотим, чтобы потребитель, взяв в руки костюм, сразу узнал, что он изготовлен на швейной фабрике им. Володарского в Баку.

Директор встал, намекая на то, что аудиенция кончилась. Мы тоже встали. Провожая нас, директор еще раз, для верности, повторил основные принципы своего производственного плана.

— Помните же, если будете писать, пишите прямо: на швейной фабрике им. Володарского в Баку существуют два принципа — свобода творчества и строгая стандартизация. Ясно?

ЛЕКТОР отпил из стакана кипяченой воды, потянул незаметно брюки и продолжал:

— ...Итак, господа, те вести, которые доходят до Парижа, не могут не леденить кровь в русских жилах. Мы уже знаем, что большевики сделали из нашей белокаменной Москвы. Храм Христа превращен в раздевальню при Зоопарке. Минина пережесли во двор дома по Ветешному переулку, а Пожарского, как князя, выслали из столицы. Наши милые кривые улицы безжалостно выпрямлены, отменены старинные трамвайные остановки, перекрашивают белые дома в красные. А в моем собственном доме, на Зацепе, они, извините за выражение, дерзко открыли — ясли!..

— Голос из публики: — Ай!

— Прошу извинения у дам. Да — ай! ай! ай! Но, что вы скажете, господа, (еще раз прошу извинения у дам), если вы узнаете, что большевики уничтожили... хозяйку!..

— Убили?!

— Почти. То, что изверги проделали над русской женщиной-хозяйкой, не поддается описанию...

— Неужели, этого... как говорится?..

— О, это бы еще ничего! Хозяйка, домашняя хозяйка, эта нежная подруга, мать, сестра, свекровь, кума, эта милая хлопотунья у самовара и утюга, мастерица печь пироги...

— С вязигой?

— Да, и с вязигой, господа, и вообще с чем угодно. Эта фея кухни, вдруг...

— Ай!

— Прошу извинения у дам, — хозяйка во-влечена в производ-ство. Да-с!

— То-есть, как же это?!

— Подробности пока неизвестны. Наши газеты сообщают кратко. Разрешите процитировать: «Очередное зверство Москвы. В 1929 г. в Москве было еще 600 тысяч домашних хозяйек, в 1930 г. — 200 тысяч, а сейчас осталось всего 100 тысяч. Куда

же они деваются? Намек на эту тайну мы находим в советских газетах, которые проговариваются, сообщая, что домашняя хозяйка постепенно втягивается в производство и — слушайте, слушайте, господа! — в 1932 году предполагается вовлечь еще 50 тысяч женщин»...

— Чорт возьми, женщин совсем не останется!

— Да, в 1932 году в Москве останется всего 50 тысяч женщин. А еще через год-два последняя, быть может, русская женщина, одна, окруженная 150 миллионами большевиков, прибежит к...

— К иверской божьей матери?

— Но... иверской нет.

— Как, неужели вовлекли в производство?!

— Подробности неизвестны. Но она ли-кви-ди-рова-на... Большевистские газеты воздерживаются от подробностей, но не трудно представить себе, как какой-нибудь там нарком или эдакий пионервожатый вдруг хватает хозяйку и, оторвав ее от очага, от самовара и родного корыта, тянет в производство. А дома ее любимый примус покрывается плесенью и пылью, тухнет самовар...

— Кто же будет заниматься хозяйством?

— Повторю, — подробности неизвестны. Вероятно, — всеенха...

По окончании лекции благодарные слушатели устроили лектору овацию.

И даже семь человек вынесли его на руках из аудитории. При чем у лектора пропали никелевые часы с брелком, а у одного из выносивших — полотняная записная книжка.

Э. Гард.

ЛИЦО НАИЗНАНКУ

— Саморитина должна вестись, не взирая на лица.

— С ума вы сошли! Ведь это ж полчается — обезличка.

М. А.

АНЕКДОТИСТ

В ЗАПАСЕ у Брянцева — бедна курьезов. Погрузки... Отправки... В пути опоздания.

О них он расскажет, беспечен и розов, Когда за бутылкой сойдется компания.

— Сегодня кондуктор пришел после свадьбы. Поехал с составом, как мертвое тело.

Начальству об этом и можно сказать бы, Да... наше ли дело?

Иль тоже вот случай, достойный газеты. Дать ход — начались бы дознания и кары:

В вагон из-под угля грузились конфеты, Конечно, без тары.

Иль вот, машинисты в «очко» и в «девятку» В открытую жарят в депо обалдело.

Привзвать бы картежников можно к порядку, Да... наше ли дело?

Но вышел и Брянцев вчера из терпенья. И были в нем злоба и гнев непомерны:

Грузить отказалась из вишни варенье Рабочих артель в нефтяные цистерны.

И Брянцев болидом помчался к начальству, Горел в кабинете роскошно и смело:

— Прошу вас быть жестким к такому начальству:

Входить в рассуждение — не их это дело! Они нам отправку сорвут паровозов,

А темпы — главнейшая вежа заданья...

В запасе у Брянцева — бедна курьезов, Он выложит их, как сойдется компания.

Ал. Яковлев.

ЛИЦОМ К ГОРОДУ

Ироноры - ленинградцы! Шлите материал для специальной странички «КОММУНАЛЬНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ЛЕНИНГРАДА».

Вот если металлургический завод под Коприно строить, — тут люди найдутся, тут каждый из нас готов. А вот если где-нибудь подстанцию строить или водопроводный отстойник, то много ли из нас найдется, которые с охотой займутся этим отстойником? Нужно понять, что работа по коммунальному хозяйству вовсе не хуже всякой другой работы.

(Из речи г. Кирова).

ВЧЕРА

— Что вы! Что вы! Меня — и вдруг в район.
— Ну да, вас — в район. А в чем дело?
— А в том дело, дорогой товарищ, что я работник губернского масштаба. У меня и мысли губернские,

у меня по губернскому масштабу и подпись неразборчива...

— Ничего, ничего!.. В районе на низовой работе крупные работники нужны. Там большое поле деятельности...

— Вот именно поле. А я с полем незнаком. Кабинет — вот моя стихия.

— Ладно, ладно...

— Да что ладно?! Да я в райком пойду жаловаться, в РКИ... Да я... Я да... Да понимаете, меня жена съест!..

СЕГОДНЯ

— Что вы! В откомхоз меня? Меня? В откомхоз?
— Да.

— В откомхоз?

— Да, да! Ленинград должен быть соцгородом и...

— Да, я понимаю... Да я ж — работник другого масштаба. Вот металлургический завод развернуть, это да...

— Крупные работники, смекалка, изобретательность и в откомхозе надо...

— Дорогой товарищ! Да за что же меня снижают?! У меня ж мысленный масштаб Ангаростройского...

— Вот тут и примените ваши мысленный масштаб...

— Да нет, да это невозможно! Я по гигантам спец, мне Урало-Кузбасс уж козявкой кажется, и вдруг садки разбивать?!
В. Т.

ВЕЗУВИЙ

ЧТО ВОЗЬМЕШЬ с вулкана, когда из его пасти посыплются головешки, раскаленные до бела? При извержении не заткнешь его глотку подушками. Так же, пожалуй, ничего не возьмешь и с директора завода «Вулкан». Завод «Вулкан», Петроградского района, стоит в районе на первом месте, пока что не по выполнению промфинплана, а по количеству бюллетенчиков и несчастных случаев. Необходимо оборудовать здравпункт при заводе. Директор призывает врача и начинает извергать:

— Здравпункт оборудуете!

— Необходимо!

— Необходимо? Давайте цемент, гвозди, железо...

— Я — цемент? Я — гвозди? Я — железо? Но я — врач!..

— Знать ничего не знаю. Иначе строить не буду. Мне лично ваш пункт не нужен, я здоров, как бык...

— Но откуда я возьму цемент? Если бы я был зубврач... У них цемент идет на пломбы... Гвозди?.. Железо?.. Железо я могу выписать...

— Вот видите, уже можете...

— Но это железо для внутреннего употребления...

— Подумайте! И гвозди внутрь принимать можно. Я сам в цирке видел. Не то что гвозди — шпаги глотают...

«Везувий» еще раз посмотрел на «Помпею» в халате и сказал:

— Так вот, стало быть. Здравпункт — это по вашему департаменту.

Стало быть, давайте цемент...

Ладонкой по столу:

— Гвозди!..

Ладонкой по столу:

— И прочий строительный материал!..

Ладонкой по столу:

— Иначе я строить здравпункт не буду.

И никаких гвоздей!

Свой.

ДОБРОДУШИЕ

ГАМЛЕТ, принц датский, раскалывает по сцене. На нем брошено какое-то одеяло, изображающее плащ, и Гамлет решает вопрос:

— Быть или не быть?!

Примерно такой же вопрос решает, лежа под одеялом, рабочий Выходной:

— Вставать или не вставать?

— Вставать!

Он сбрасывает одеяло, натягивает носки:

— Опять порвались!

Он смотрит на фабричное клеймо: «Ф-ка «Красное знамя».

— Надо будет сегодня же продернуть их. Пойду в фабком, подниму бузу. Почему так? И двух дней носки не носят?!

Он берет сапожки.

— Тыфу! Опять черти на железных гвоздях подметки делают! Вот, смотри: железный гвоздь, как попал в воду, заржавел, головка отскочила, а вслед за ней и подметка!

Выходной завертывает подметку в газету и твердо решает:

— Сегодня же в РКИ пойду! Пусть заставят делать подметки на бронзовой проволоке! Это ж — поход на зарплату рабочего!

Выходной мостя, садится пить чай. На коврике хлеба выдвинуто тавро: «1-й хлебозавод». Выходной режет хлеб, нож упирается о что-то твердое. Выходной разламывает ковригу и достает оттуда крышку масленки. Выходной не может не улыбнуться:

— Они скоро целый импортный станок запекут. Ну, в головотыпи! Унесу крышку вместе с носком и подметкой.

Через полчаса Выходной, держа в руке сверток, бредет по улице. Раздумье берет его:

— Ну, что я пойду? И без меня найдутся. Чего я себе буду день портить...

Он стоит у реки, потом решительно бросает сверток. Сверток плывет, качиваясь на волне. Крышка тонет первой, за ней подметка, и только дырявый носок плывет и плывет вниз по течению. Выходной облегченно вздыхает:

— Пойду лучше в сад, зверей посмотрю!..

Ленинградский.

Д. Мельников

— Его уже нельзя ремонтировать.

— Как новенький, паровоз стал?

— Не в том дело: марки о ремонте некуда ставить...

ЗАПРОКУРОРИЛСЯ

Прокуратура г. Острова, Ленинградской обл., захваченная в свое время высокой волной общего энтузиазма, торжественно подписались на заем «3-го, решающего». Красиво выведенные цифры и замысловато раскудрявленные против них фамилии умоляли подписчиков.

Но... энтузиазм — это прекрасно, а оплачивать его наличными — «на дом нет». «Прокуратурщики» неоднократно уклонялись от очередных обязательных взносов, и как-то раз райсберкасса попыталась было напомнить энтузиастам их обязанности и удержать причитающиеся взносы. Тут на арену выступил сам прокурор Щеталов и под страхом привлечения к ответственности предписал управляющему банком выдать всю сумму без удержаний. Банк выдал. На подписном листе «строителей социализма» из прокуратуры, кроме красивых цифр и кудрявых росчерков, никаких других признаков участия в соцстройке нет.

Прокуроры призваны оберегать законность и порядок... Островский прокурор усилнее всех оберегает их... даже от соблюдения законности и порядка.

ДЕТАЛЬ ПРОРЫВА

Посвящается слесарно-сборочной ленинградского завода им. Свердлова.

СТАНКИ на сборке ждали устали.
Смотреть без горести нельзя,
Как темпы цеха тормозят,
На сборку тянутся детали.

Заказ пропал, и нет вестей.
Дни ожидания хуже пытки!
Сама коробка скоростей
Полет со скоростью улитки...

Житья нет цеху от помех.
На сборный цех просто давят.
— На все согласен, — молвил цех, —
Но пусть детали мне доставят.

И вот, размерами пугая,
Пришли детали в тот же час...
Одна — уменьшена в пять раз,
И увеличена другая.

Глядеть на третью, правд, жаль:
Нечеловеческая сила
Безжалостно
Перекосила
Навеки-вечные деталь.

Не мало брака есть на свете,
И список можно бы продлить
— Товарищи, ДЕТАЛИ эти
Куда прикажете овалить?

В. Моголь.

На заводе им. Карла Маркса потратили 20.000 рублей, чтобы поместить столовую в четвертом этаже, куда не всегда доходит вода.

Д. Мельников

— Никак столовая горит?
— Ничего подобного. Просто для щей воду подают...

ЮБИЛЕЙНЫЙ ПОДАРОЧЕК

Ленинградское отделение ГИХЛ и Областной дом самодеятельного искусства осчастливили встраду выпускком юбилейного сборника к Октябрьской годовщине. Вот отдельные перлы этого творчества:

Нам не надобно спاسب
За построенный Турксиб.
Подмоги Европа нам —
Сотни их отклоняем, —

решительно заявляют авторы К. Макаров и Д. Усин.

В этом же сборнике есть и такое откровение:

Приспособленец, друи друи рад,
ОНИ подтачивают советский аппарат.

Что верно, то верно! Даже в примечаниях к авторам этого сборника.

Вместо перестройки для работы по-новому ряд железнодорожных профсоюзных организаций продолжает еще руководить своими живыми звеньями циркулярно бюрократически.

А. Топиков

Мопиков

С КУРЬЕРСКИМ...

ЖЕЛДОРПРОФ... (Тьфу!) БЮРОКРАТ: — Разве вы не видите, что мне некогда...
Давайте отчет о вашей работе и будьте здоровы...

Ж Д Е М...

ОЙ СОБЕСЕДНИК Уповалов занимает должность заведующего коммунальным районом Московской области. Словоохотливый, как квалифицированная сваха, он выкладывал передо мной достижения в его районе по строительству и благоустройству районного центра — Валова.

— Как-никак, товарищ, и банку новую заложили; о водопроводе сейчас подумываем, новые дома класть собираемся; кирпич заказываем. Программа у нас задумана большая — и не то, чтобы это в проекте или только в мыслях. У нас, милый мой, все рассчитано и продумано. Все заранее проголосовано. Но... Дело, батенька, не только за нами. Дело за центром. Помощи мы ждем оттуда. Трудно одним нам справиться. Задачи — во какие поставлены! Шутка ли?

Того нужно, этого надо, без этого нельзя. Вот без кирпичей, скажем, что ты построишь?

Собачник? Или курятник? Я не говорю уж о Доме советов. Мостовые опять же нужны нам дозарезу, грязь у нас бывает непролазная. Камня и щебня надо, песку надо — прочих материалов надо. А где возьмешь?

Без центра, без помощи центральной ничего невозможно. Так мы и решили: надо подождать, а пока заявочки строим в центр: „Так и так, мол, на постройку первой очереди в районе и проч. и проч. просим отпустить кирпичиков, песочку, камешков и т. д. и т. д. подателю сего“.

Сидит теперь наш податель там в центре, а мы его здесь поджидаем. Вот какое у нас сейчас положение, товарищ!..

...В разгар нашей беседы мы с Уповаловым вышли на главную улицу района. Позади

рика уперся в небо большими трубами силует завода.

— Это что? — спросил я у Уповалова.

— Как же, кирпичный завод. И на полном ходу. Только он не наш, а Тульпрома.

— А у вас-то камни есть?

— Как не быть? И песочек и камень. Этого-то добра хватает! Кругом — во всем районе. В поле лежит.

— А чего ж вы ждете?

— Так уж и ждем. Мы ждем привычные. Ждем и ждем. Без помощи из центра нам никак невозможно!..

— Вот! — подумал с грустью я, — центр, чем может, помогает, конечно. Но и в центре ждут. Ждут, когда уж Волово и районы, ему подобные, начнут проявлять инициативу, а не только будут жить ожиданием.

С. Дорофеев.

НЕТ УПРАВЫ

ВООРУЖЕННЫЙ гитарой телеграфист, перебирая струны, задорно напевал:

Страхам всем — цена копейка.
Не страшны мне с этих пор
Ни бригада, ни ячейка,
Ни нарсуд, ни прокурор...

— Из какой это оперы, тов. Коваленко? — спросил телеграфиста любитель музыкальных развлечений, всегда первым являвшийся на звуки гитары.

— Собственного сочинения-с! — блеснул телеграфист.

— Недурно. Только почему, позвольте узнать, вы заявляете, что бригада вам не страшна. Прокурора бояться следует, но бригада и ячейка — органы отнюдь не карательные. Их бояться не обязательно.

— Никого не боюсь! — громыхнул телеграфист и вновь повторил частушку насчет своего бесстрашия.

— Чегой-то он бахвалится, не пойму, — удивлялся любитель музыки.

— Имеет к тому все основания... Такой парень в суде не горит, в прокуратуре не тонет. Про него почти весь город знает, что — смельчак.

— Ударник, что ли?

— Он-то? Да о нем скоро вся страна узнает.

— Герой пятилетки разве?

— Совсем наоборот. Его на черную доску занесли за невыполнение норм выработки.

— Так чего же он хвастает?

— А то как же. Только занесли его на черную доску бригада по проверке соцсоревнования и ударничества, он сразу вошел в амбицию. Как раскричится: «Ослы вы все, не бригада. Ослы все, кто в эту бригаду входят. Сплошные ослы».

— Какова смелость! — заметил любитель музыки, потом спохватился. — То-есть, возмутительная наглость... И разве она прошла для него безнаказанно?

— Наказывали, — вяло произнес собеседник, — и из комсомола постановили исключить, со службы уволить, дело об оскорблении бригады направили прокурору, тот его в нарсуд, нарсудья в товарищеский суд, чтоб показательный процесс устроил. А товсуд считает себя недостаточно правомощным разбирать его поступок. Сдали дело в архив.

— И с работы не согнали?

— Работает, хоть бы что. И перед всеми бахвалится: «Пускай опять дело мне клеют. Я уж его судьбу заранее знаю. Сначала — к прокурору, потом — нарсудье, от него — в товсуд, а этот для спокойствия сунет в архив. Нет на меня управы».

Разговор оборвался. Телеграфист Коваленко в это время потешал собравшихся в палисаднике танцем. Кружась на одной ноге и потрясая в воздухе гитарой, он лихо пел:

Э-эх, не страшны мне с этих пор
Ни нарсуд ни про-ку-рор...

И впрямь, кто из жителей города Аулиэ-Ата станет уважать местных работников, не решающихся как следует ударить по наглецу, позволившему себе оскорбить людей, выполнявших задание партии и правительства.

М. Поляновский.

В СТОЛОВОЙ

— Дайте меню!
— Нет меню... Вы жалобную нигу возьмите, там про нандов блюдо есть все подробности!

ЗАГАДКА

— Отгадай загадку: на четырех ногах одна грязноватая портянка.
— Разгадать не хитро: скатерть в нашей столовой.

НОРД-ОСТ и НАР-ПИТ НЕБОЛЬШОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Гр. Лачинов из Новороссийска просит «Крокодил» обратить внимание на безобразное отношение к вопросам общественного питания рабочих. Прилагает копию заявки на имя зав. столовой № 4:

Экспортлес 55 ам. к 7 час. утра, если утихнет Норд-ост, то 200 зав., а если не утихнет, то 150 зав. всего 3 бр. не надо к 10 час. дня 450 обедов всего 3 бр. ни одного обеда, 3 бр. если утихнет к 7 час. утра, 80 зав. и к 10 час. 100 обед. если не утихнет, то не надо ни одного обеда в 3 бр.

Одним словом, утихнет или не утихнет, но рабочие будут без обеда,—одно ясно. А виноват будет, конечно, норд-ост...

ЕСТЬ ЕЩЕ ЧИНОВНИКИ

Плановая группа лесосекции СССР предложила периферии выслать сведения на «чиновников», разбив их по категориям, согласно приложенной форме.

Периферия ответила: «Чиновников не имеется, но таковые действительно существовали до Октябрьской революции».

Как не имеется? А сами чинуши из плановой группы?..

ТРЕСТ ПИТАНИЯ БЕЗ КАШИ

В село Кудымкыр (Коми-пермяцкого округа, Урал) взамен инвентаря для фабрики-кухни и столовой обкоопит выслал 120 ночных горшков и 40 ружей.

С таким обкоопитом каши не сварить.

«СВЕТИ, — И НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ!»

Яркий электрический свет прорезал тьму черкизовских улиц и переулков: Могэс приступил к внешнему освещению окраин Москвы.

Но, как на зло, когда ярким светом загораются фонари на пустынных улицах, тухнет свет в домах.

Не напоминает ли такая электрификация товарищам из Могэса снаружи подкрасившийся и нарумяненный, а внутри облезлый и грязный дом?

НЕТ ДЫМА БЕЗ ОГНЯ

В петрозаводской пожарной команде, очевидно от близости к воде, махровым букетом распустилось кумовство. Начальник охраны Колобов уволил квалифицированного брандмейстера Никитина, а на его место посадил своего приятеля Сорокина и дал в помощники ему пьяницу и хулигана Басова. Пожарный инспектор Ласков тоже густо обрастает родными человечками: устраивает в охране племянников.

Как ни странно, но на этот раз из самой пожарной охраны здорово тянет гарью!

ЖЕРЕБЯЧЬИ ПРИКАЗЫ

В приказе № 468 по Нижневолжскому КрайЗУ значится:

Завхозу-коменданту Удалову за непринятие никаких мер по хищению имущества КрайЗУ объявить выговор с предупреждением об увольнении.

А в приказе № 463 красуется:

Двух жеребцов «Гвардеец» и «Кролик» считать зачисленными в штат КрайЗУ. Замзав Решетов. Секретарь Карякин.

Оригинальное учреждение: плохорукописные завхозы и штатные жеребцы.

Каким копытном писаны эти приказы?

На повестке дня мостройкома № 70 при 20-м управлении начальника военнестроительных работ стоит 21 доклад!

Считая по часу на каждый доклад, всего только—21 час. А вы говорите—сутки нехватит. Даже останется еще целых три часа на то, чтобы привести в чувство собравшихся.

Фотомонтаж Б. Клич.

ДВЕ СИСТЕМЫ, ДВА МИРА...

КАПИТАЛИСТ: — Проклятье! Ведь мы тоже „задуваем“ свои домны... Но у большевиков они горят ярко, а у нас почему-то гаснут одна за другой...

Газета «Полярная правда» (Мурманск) в № 179 половину полосы посвящает месячнику Всеобуча. И помещает такую «шапку»:

Политехническому договору связать школу с производством. К 25 декабря закончить договор.

Месячник не рад, что его связали с «Полярной правдой»: она всю грамотность неграмотной «шапкой» закидала.

№ 125 «Полярной правды» особенно интересен. На первой полосе сказано, что в Мурманске 30 тыс. жителей, к концу второй полосы население катастрофически исчезает и доходит до 26 тысяч, а пока читаешь третью, — рождаемость идет бешеным темпом, и вот уже на 4-й полосе в Мурманске 44 тыс. человек.

Статистика «Полярной правды», очевидно, рассчитана на чтение во время длинной полярной ночи: ночью все цифры одинаковы.

В то время как в СССР за один 1932 год должно быть задано новых 24 домны, в зап.-капиталистических странах уже потушено 56 домменных печей.

АРХИВ
7 ФЕВ 1932
Г. Ц.

Папа римский заявил, что если только бог не вмешается, то из дела разоружения ничего не выйдет.

В. Ковлинский

ГЕНЕРАЛЫ ВСЕХ СТРАН: — Святой отец, если не будет войны, мы ведь станем безработными
 РИМСКИЙ ПАПА: — Идите с миром! Бог не вмешается, я за него ручаюсь...